

Л.М. ДРОБИЖЕВА

На какой фазе модернизации находятся Россия и ее регионы? Размышления над новой книгой*

В статье анализируются особенности, основные концептуальные подходы и модель подачи материала в книге «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы». Показана реализация модернизации как всемирного цивилизационного процесса в России и ее регионах, место России среди других стран в процессе модернизации. Раскрыта громадная информационная база, положенная в основу предоставленных в Атласе материалов. Обращается внимание на междисциплинарный характер представленного в Атласе исследования. Это позволило рассмотреть процесс модернизации не только с точки зрения технологической, но и экономической, социальной, политической, социально-культурной, представить модернизацию как процесс, связанный с рациональным гуманизмом, в котором заинтересована не только страна, регион, но и каждый человек в отдельности.

Ключевые слова: модернизация, цивилизационное развитие, федеральные округа, субъекты федерации, индикаторы модернизационного развития.

Атласы — редкий жанр в социальных и гуманитарных науках. Представляемый «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» привлекает внимание не только редкостью исследовательской продукции, но главным образом, моделью ее создания. Это результат оригинального проекта, задуманного на основе единого цивилизационного подхода, дополненного социокультурным подходом в его антропо-деятельностной интерпретации и выполнявшегося многими исследователями в последние 10 лет. Цель его — убедить в том, что модернизация — не конъюнктурный лозунг, а всемирный цивилизационный процесс, успешное осуществление которого требуется также в России и ее регионах. Она важна для каждого человека и социокультурного сообщества. Включены в этот процесс российские регионы по-разному и осуществляют его с разной интенсивностью. Информационная база, положенная в основу исследования статуса регионов огромна. Она представлена в виде текстов, карт, таблиц, рисунков. Российские статистические данные преобразованы в индексы модернизации с помощью стандартных индексов

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-01963–П).

Д р о б и ж е в а Леопардия Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН; профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. E-mail: drobizheva@yandex.ru

международной статистики, которые ежегодно получают по 130 странам мира¹. Они использованы авторами не только для того, чтобы получить показатели по стране и регионам, но и определить их положение в мировом пространстве. Статистика, естественно, дает, условно говоря, “скелет”, а вот данные о состоянии общества и его глокальностей, учитывающие ценности, представления, ориентации людей (нервы и мышцы общества), получены на основе результатов более 70 социологических, социально-политических исследований модернизационных процессов в семи федеральных округах Российской Федерации и трети ее субъектов.

Одна из самых примечательных особенностей Атласа — междисциплинарность исследований, положенных в основу его создания. Именно это дало возможность представить модернизирующееся пространство России многослойно, разносторонне. Относительно стабильные природно-географические пространства регионов России соотнесены с демографическими, экономическими, социальными, политическими и культурными показателями, которые в большинстве случаев даны в динамике и с учетом типов поселений.

Модернизация, естественно, не может быть рассмотрена без экономических изменений. При этом авторы учитывали материалы и выводы экономистов разных школ и направлений, в том числе работы эконом-географов. Сопоставление результатов этих исследований позволят дать более объемную картину динамики изменений и в России в целом, и в ее регионах. Другие характеристики — социальные, культурные, политические, административные — были получены в ходе специально проведенных десятилетних исследований. Эти характеристики приведены в систему, позволяющую проводить сравнения, благодаря которым воспроизводится иерархическая дифференциация субъектов Федерации и федеральных округов по состоянию их модернизированности. В то же время понимание регионального разнообразия и выявленных противоречий облегчается очень важными историческими экскурсами, соотнесением показателей разных сфер жизни в рассматриваемых субъектах Федерации. Именно такой междисциплинарный подход позволил создать особый проблемно-аналитический вид Атласа. Это первый опыт пространственной систематизации процессов и состояний проблем и тенденций модернизации в российском пространстве с учетом его регионального разнообразия.

Построен Атлас очень логично. Это помогает читателю сконцентрироваться на осмыслении проблем, связанных с цивилизационным развитием, его вызовами и противоречиями. Здесь очень важен начинающий книгу аналитический раздел, в котором ставятся проблемы социально-экономического и социокультурного развития и предлагаются подходы к пониманию процессов модернизации. Тем самым читатель как бы настраивается на осмысление ключевых принципов соответствия личности и общества, общества и культуры. Первая глава посвящена модернизации в мире и России. Автор ее — член-корреспондент РАН Н. Лапин — убеждает в том, что модернизация — не конъюнктурный лозунг, а всемирный цивилизационный процесс, который необходим и России в целом, и ее регионам. Для людей это не просто “новые способы воздействия на объекты своей деятельности и на условия своей жизни” с целью ее улучшения. *Это преобразование культуры, социальных и культурных практик самих индивидов и всего общества.* То есть это комплексный процесс. Игнорирование его странами, регионами грозит рецессией и даже гибелью. Поэтому модернизация важна для каждого человека и каждого общества [Атлас... 2016, с. 15]². Ведь ее функция — повышение благополучия жизни людей.

Вслед за своими китайскими коллегами авторы Атласа выделяют индустриальную, информационную, или постиндустриальную, стадии цивилизации. В современном

¹ Речь идет о стандартизированных индексах, которые получает ежегодно по 130 странам Центр исследований модернизации Академии наук Китая под руководством Хэ Чуаньци. Помимо этих индексов на основе российской статистики авторы “Атласа” разработали специализированные индексы модернизации России и ее регионов.

² Далее ссылки на страницы Атласа даются в круглых скобках.

мире на первой стадии модернизации находятся 90 стран, а на второй – около 40 развитых стран. Для развития ряда стран, в том числе и России, характерно сочетание обеих стадий модернизации. Причем такое разнообразие в развитии присуще не только странам в целом, но и отдельным регионам. Такая ситуация сложилась и в России, где каждый конкретный регион представляет свою траекторию развития.

Здесь, прежде чем перейти к представленной в Атласе картине социально-экономической и социально-культурной модернизации регионов России, мне хотелось бы вернуться к одному из важных тезисов работы китайских ученых, осуществляющих мониторинг модернизации 131 страны мира. Согласно проведенному ими анализу, страны мира развиваются крайне неравномерно. Причем эта неравномерность касается не только возможностей быстрых прорывов на более высокие стадии развития, но и срывов, случающихся по самым разным причинам от неверно избранной стратегии развития до политических, природных и иных катастроф. Например, исходя из тенденций 2000-х гг. китайские коллеги, опираясь на выведенный ими интегральный индекс модернизации, разработали прогноз изменений в состоянии развития исследуемых стран на следующие 20 лет (см. рис. 1). Из него следует, что только 80% входящих в группу развитых стран сохраняют свой статус, а 20% из них могут его потерять и опуститься в группу среднеразвитых. В свою очередь, среди среднеразвитых 70% удержат свои позиции, а среди остальных 20% имеют шанс подняться до развитых, но 10%, напротив, угрожает обратный процесс – опуститься в группу предварительного развития. Стабильно останутся в своих группах 60% предварительно развитых и 80% отсталых стран. В то же время 20% предварительно развитых имеют шанс перейти в группу среднеразвитых, а 10% – даже развитых, хотя другим 10% грозит откат в группу отсталых. Но и у 20% отсталых стран остается возможность перебраться либо в группу предварительно развитых (15%), либо даже среднеразвитых (5%) [Обзорный... 2011] (см. также [Плискевич 2013]).

Сказанное свидетельствует о том, что в современном стремительно меняющемся мире ни одна страна не может гарантированно сохранять достигнутый ею модернизационный статус. Неверно выбранная стратегия социально-экономического, экономического, технологического развития, ставка на “стабильность”, по сути ведущую к стагнации, угрожают потерей достигнутых в прошлом позиций. Это касается не только стран в целом, но и отдельных их регионов (китайские ученые, кстати, приводят в своей книге красивую метафору различий в развитии страны по течению реки Янцзы от истоков, сохраняющих общинные уклады жизни, до устья с высоко-развитыми районами современной информационной технологии). Об этом же стоит думать и руководителям нашей страны и ее регионов. Достижение определенных

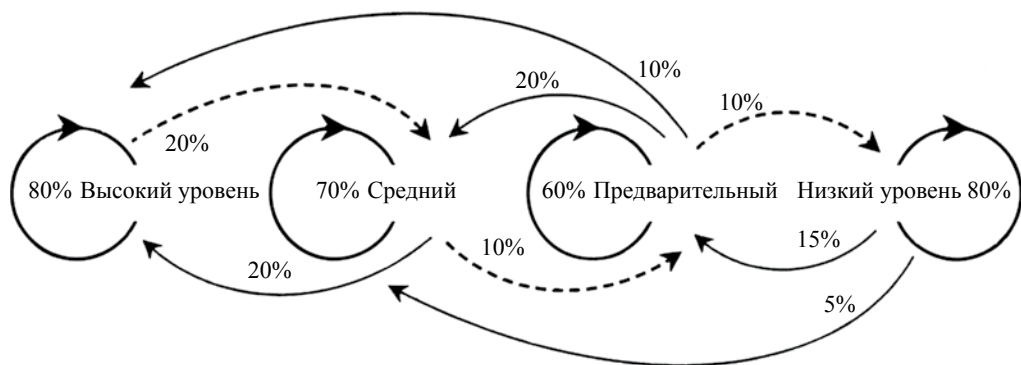

Рис. 1. Вероятность изменения уровней региональной модернизации в ближайшие 20 лет.

Источник: [Обзорный... 2011, с. 109].

успехов должны постоянно думать о дальнейшем развитии, чтобы не откатиться назад. Но и у отстающих имеются шансы продвинуться вперед по пути модернизации. Хотя для этого необходимы огромные усилия. А предлагаемый читателю Атлас, рисуя картину регионального разнообразия, дает возможность каждому региону, увидев свое место на общем полотне, выработать стратегию собственного развития.

Прежде всего — о России в целом и ее месте в мировом развитии. В Атласе представлены карты, на которых в цвете изображены страны развитые, среднеразвитые “предварительно развитые” и отстающие (с. 18). С 2000 по 2012 г. индекс второй стадии модернизации в России вырос (с 61,6 до 74,4), но только 6 субъектов Федерации из 83 (на 2012 г.) имели индекс вторичной мобилизации — $B|x| = 80$ и больше, то есть были модернизационно-развитыми, а остальные входили в группу среднеразвитых, а один регион даже не достигал этой стадии. Вывод заставляет задуматься: неравномерность разделения доли регионов России между вторичной — информационной стадией модернизации и первичной — индустриальной в 2,5 раза глубже и острее, как говорится в тексте Атласа, чем это наблюдается между странами мира.

Важная черта созданного труда — постоянное обращение его создателей к актуальной социальной практике. Первый, в значительной мере теоретический, раздел завершается выводом: для большинства стран мира, и для России в том числе, приоритетной задачей остается завершение индустриализации. Причем в этом заинтересованы и развитые западные страны, ибо в результате снимается острота проблем миграции в них населения из менее развитых стран, а сами они сохраняют возможность продолжать вторую, информационную, стадию модернизации (с. 17–19). Темпы модернизации в развитых странах будут ускоряться, и как уже было сказано, неравномерность между странами станет возрастать, а межстрановая конкуренция в перспективе окажется “крайне жесткой” [Обзорный... 2011, с. 230–234]. Актуальность решения проблем с модернизацией, с точки зрения авторов Атласа, должна стимулировать политических деятелей, бизнесменов и специалистов сделать свой выбор вектора эволюции.

Важно, что модернизация рассматривается не просто как решение необходимых технико-технологических задач, а комплексно, через отдельные выделенные компоненты: технико-технологическую (от традиционно-аграрного до нанотехнологий), социально-экономическую, социокультурную и информационно-регулятивную (формальные и неформальные правила действий индивидов и организаций в экономической, политической, общественной жизни общества). С учетом всех компонентов как целостности Лапин рассматривает динамику модернизации федеральных округов России по стадиям. В компактной, удивительно содержательной форме в Атласе с использованием рисунков и таблиц представлена вся история типов модернизационного развития территорий округов России. Они рассматриваются в широком цивилизационном контексте эволюции их состояния — исторически с периода возникновения России как общества, цивилизации до современности.

В то же время почти каждый аспект рассмотрения актуален. Например, останавливаясь на статусе регионов в обществе и исторически представляя административно-территориальное районирование страны, Лапин поднимает проблему структуры сложившегося деления. Известно, что уже много лет обсуждается вопрос о том, не много ли у нас субъектов Федерации. Читатели узнают, что наша страна со сложностью административно-территориального устройства не исключение. США меньше России по площади, но там Федерация разделяется более чем на 50 штатов и законы их различны. Асимметричное устройство имеют Италия и Испания. А Франция — унитарное государство, но разделяется на 95 департаментов. Так что по сложности административно-территориального деления наша страна совсем не одинока. Вопрос же, на который обращает внимание Лапин, — противоречивость статуса регионов (с. 37) с точки зрения соответствия общественного договора и горизонтальной инфраструктуры в социокультурном пространстве регионов. И другой вопрос: образ нашего государства как одновременно и моно-, и многонационального. Утверждается, что асимметричность этнотерриториальной конструкции пространства оказывает влияние на процесс модернизации (с. 51)

за счет отсталости “периферийных” регионов. Каждая из поставленных проблем — пространство и ресурсы, демографический состав и человеческий капитал субъектов модернизации, социально-структурные изменения, формирование среднего класса (см. главу 2 Л. Беляевой) — находится в поле изучения.

Представим, как такой подход находит выражение в территориальном пространстве на примере Приволжского федерального округа (ПФО). В него входит 14 субъектов Федерации. Авторами дается краткая характеристика природных, сырьевых ресурсов округа, численность городского и сельского населения, типы поселений, эволюция этнического и конфессионального состава населения, его занятия в исторической ретроспективе.

Притом, что этнический и конфессиональный состав населения исторически складывался как многообразный и за счет переселений, и за счет испокон живущих здесь народов. Как пишут В. Тарасов, И. Бойко, В. Харитонов, в этом пространстве и “был приобретен позитивный опыт взаимодействий, который может быть использован и уже используется в новых условиях” (с. 203). Жители регионов округа в силу производственной близости воспринимали себя в рамках общего идентификационного пространства. Однако, как справедливо делают вывод исследователи, для большинства населения округа значимость подобной идентификации гораздо ниже, чем значимость таких идентичностей, как общероссийская, региональная и местная. А это очень важный, принципиальной значимости вывод. Ведь идентификация с пространством (территориальным, экономическим, культурным) — существенный идентификатор, отражающий реальные человеческие связи, представления, интересы и потребности, интегрирующие людей. Особенно на это стоит обратить внимание потому, что, например, в таких регионах России, как Татарстан, Башкортостан, русские — большая группа, но не большинство в составе населения. В связи с этим интересно напомнить, что и в Казанской губернии в 1913 г. русские составляли менее 40%, а 60% приходилось на все другие национальности. Для выстраивания разумной социокультурной политики в таких регионах важно учитывать сложность их этнического состава, высокую теоретическую вероятность межкультурных контактов. Конструктивное взаимодействие людей разной национальности здесь — особо значимый ресурс “минимизации социокультурных дисфункций”.

Но есть и другие регионы (Пензенская, Ульяновская области и др.), где большинство — русские, люди же другой этнической культуры, конфессии составляют не более 6–7%, а в остальных областях еще меньше. Однако и такое распределение не делает менее важным учет складывающихся этнокультурных различий. При этом следует обратить внимание на соотносимость с ними других показателей, и прежде всего, конечно, связанных с модернизационным процессом, что было главным предметом исследования авторов. В Атласе представлена таблица сводных индексов инновационной деятельности регионов Приволжского федерального округа (с. 209). Разница по этому индексу между более урбанизированными, развитыми регионами и стоящими в конце таблицы очень существенная: в 2005 г. в 35 процентных пунктов (п.п.), в 2012 — в 25 п.п. При таких различиях сложно говорить о каком-то одном по округу уровне инновационности. Если меня интересуют республики Татарстан и Башкортостан, то они различались по рассматриваемому индексу с передовыми областями в 2005 г. — Самарской областью (соответственно, на 12 и 32 п.п.), а в 2012 г. — с Новгородской, соответственно, на 6 и 20 п.п. Вариативный размах сократился между этими республиками и наиболее преуспевшими в инновациях областями Приволжского федерального округа, но различие в Татарстане сокращалось намного заметнее.

Посмотрим на другой важный показатель — индекс качества жизни. Он учитывает представления о качестве жизни населения — субъективные и объективные. Последний представлен кризисным индексом качества жизни населения, предлагаемым Н. Зубаревич (с. 215). По нему в 2005 г., Татарстан отличался от среднего по России на 3,5 п.п. в лучшую сторону, Башкортостан был на уровне России; в 2012 г.

в Татарстане данные по качеству жизни стали на 16 п.п. выше, чем в среднем по России, в Башкортостане — на 1 п.п. (с. 216).

В Татарстане, Башкортостане, так же как в Саратовской, Пензенской, Кировской областях, углублялся процесс модернизации. Авторы обращают внимание на динамику развития Республики Татарстан, где наблюдалось устойчивое развитие. По их мнению, она отличается высоким уровнем сбалансированности параметров модернизации, что дает синергетический эффект. Здесь один из лучших технопарков в стране — “Идея”, особая экономическая зона “Алабуга”, технополис “Хильград”, в 2015 г. открыт инновационный центр “Иннополис”. В условиях мирового кризиса Татарстан, Башкортостан, так же как Саратовская, Кировская, Пензенская области, смогли повысить эффективность человеческого ресурса, что другим субъектам Федерации сделать не удавалось. В целом по ПФО сохранялось высокое разнообразие входящих в него субъектов: три области были “на передовых позициях модернизационных состояний”, восемь регионов развивали второй этап модернизации. Но в них очевидно выделялись прежде всего Татарстан, затем Башкортостан, а из областей — Саратовская, Пензенская области. А три области находились вообще на первом этапе модернизационного процесса.

Внимание ученых к особенностям модернизационного процесса в субъектах Федерации внутри ПФО, как видим, оказалось чрезвычайно важным и необходимым исследовательским компонентом. Рассмотрение округа по средним показателям мало что дает для понимания процесса цивилизационного развития, в то время как изучение показателей развития по регионам позволяет найти точки роста, присмотреться к ним для понимания существенных факторов, обеспечивающих особенности инновационного развития. На что обратили внимание авторы этой главы Атласа? Рассмотрев достижения Татарстана, они выделили эффективность деятельности органов исполнительной власти, отмеченную федеративными органами власти³ (с. 228). Они отметили также опыт конструктивных межэтнических и межконфессиональных взаимодействий, минимизирующий социокультурные дисфункции.

Но вот любопытное наблюдение. Анализируя институционально-регулятивную компоненту как часть широко понимаемой социокультурной модернизации, авторы считают, что процесс трансформации социокультурного потенциала как движущего фактора модернизации рассматривался недостаточно. И обращают внимание на сложившиеся две модели ценностного сознания в округе. Одна — традиционная “с характерными для нее верой в преемственность власти, уважением к традициям, ориентацией на семью, воспитание детей, другая — в большей мере ориентированная на индивидуалистическую систему ценностей, в том числе на достижение высокого материального благополучия, личного успеха, поддержку модернизации. Полагаем, что в национальных республиках округа преобладает первая модель, а в иных территориальных образованиях — вторая” (с. 219).

При этом первый же рассматриваемый индикатор — уровень образования, по данным, приводимым самими авторами, показывает, что по численности студентов вузов на 1000 человек населения высокие места занимают Татарстан, Мордовия, Чувашия, вместе с Самарской, Саратовской областями. Среди областей с низкими показателями была Мари-Эл с Кировской областью. Авторы обращают внимание на более низкий уровень образования у граждан “коренных” национальностей в республиках округа. Но судя по демографическому анализу, присутствующему в этой же главе и в других разделах, русские в ПФО — давно коренные жители. И самое интересное, на что в связи с выводами авторов хотелось бы обратить внимание: в тех же Татарстане, Башкортостане, имевшими в ПФО наиболее высокие показатели интенсивного и даже инновационного развития в 2005–2012 гг., татары в Татарстане составляли 52%, а татары и башкиры в Башкортостане — 53%. В то же время области ПФО с доминирующим

³Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по итогам 2012 г., см. (<http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depenvest/2015061001>).

русским населением по индексу инновационной деятельности и индексу качества жизни входили в число регионов как с более высокими показателями в среднем по России (Нижегородская, Самарская области), так и с наиболее низкими (не только по сравнению со среднероссийскими, но и по ПФО (Оренбургская по первому индексу, Саратовская — по второму) (с. 209, 216). Видимо, признавая наличие различающихся моделей ценностного сознания у жителей ПФО, мы должны в то же время учитывать, что вывод о жесткой привязке их к тем или иным культурам требует очевидной корректировки. А такой подход и авторов, и всех читателей стимулирует к размышлениям на основе не стереотипных представлений, а более глубокого анализа реальной жизни. На это, собственно, и ориентирует последняя глава Атласа о реалиях российской модернизации и ее стратегическом планировании. Обобщая анализ по федеральным округам и регионам, автор Проекта и ответственный редактор Атласа Н. Лапин делает вывод: в России, как и в большинстве стран мира, процесс модернизации совершается как естественно-исторический процесс жизнедеятельности населения (с. 295).

Оказалось, что, как в ряде других стран, в настоящее время в России одновременно осуществляются две стадии модернизации — индустриальная и информационная. В последнюю страна стала входить с 2010—2012 гг. При этом в 2000—2012 гг. наиболее значимыми качествами процессов модернизации в России были: 1) спонтанность, несбалансированность экономической, социальной, когнитивной составляющих модернизации; 2) фрагментарность, которая подчас “зависит от случайных факторов”; 3) в итоге мы имеем торможение модернизации.

В целом же авторами выделены шесть комплексных состояний модернизированных регионов. И они дифференцированы на три группы для стратегии поэтапной интеграции с распределением округов и регионов по этапам (волнам) модернизации (с. 312—313). Так, согласно результатам исследования, 29 регионов еще находятся на начальном ее этапе: им только предстоит переход к индустрии технологического уклада. 40 регионов находятся в периоде средних состояний модернизованности с тенденцией начальной информационной стадии. В этих регионах живет около половины населения страны. И их стратегическая задача — завершить “новую индустриализацию” (с. 298) и перейти к фазе роста информационной модернизации, “преодолевая” низкое качество рыночной конкуренции и управления, в том числе открытой коррупции со стороны чиновников (с. 299).

В 2010—2015 гг. 25 регионов из 83 (тогда Крым не был еще в составе РФ), фиксируют авторы Атласа, вступили в стадию вторичной модернизации. В регионах второй информационной стадии жили 40% населения страны, они создавали более 60% ВРП России — это было экономическим эффектом модернизации. Но 58 регионов оставались на стадии первичной модернизации. Только 6 из 83 регионов (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Нижегородская, Новосибирская, Томская области) являются высокоразвитыми.

Проведенный анализ подводит к выводу принципиальной важности: к констатации усугубления в России региональной дифференциации. Практическая рекомендация исследователей состоит в важности наращивания числа высокоразвитых регионов. Их число надо увеличить, как минимум, с 6 до 18.

Вывод из материалов Атласа состоит также и в том, что в масштабе страны и регионов могут осуществляться разные этапы модернизации одновременно, “как взаимодополняющие потоки”. Хотя, естественно, в силу природных, ресурсных, культурно-исторических, институциональных особенностей будут различаться и инициативы субъектов модернизации, и координация взаимодействия регионов со стороны органов управления. Надо полагать, что в последнем случае авторы Атласа имеют в виду и федеральные органы: ведь трансферы регионам регулируются именно ими (а не округами).

В заключительной главе Атласа сделаны принципиальной важности выводы: в условиях глобализации уклонение России и ее регионов от мейнстрима модернизации чревато рисками, вплоть до катастрофических. Государственное регулирование

модернизации необходимо, но должно опираться на конституционные принципы демократии, правового социального государства, федерализма, местного самоуправления. Примечательным подходом авторов, как отмечалось, стало рассмотрение экономико-технической модернизации в комплексе с общественно-политическими процессами. Поэтому и в заключении ставятся проблемы целесообразности умеренно-прогрессивной шкалы налогов, сокращения неравенства доходов регионов и муниципалитетов, нормативов распределения налоговых поступлений между бюджетами различного уровня, реализации стратегии социального государства, в том числе в соответствии со “Стратегией национальной безопасности Российской Федерации”, где содержится специальный раздел о повышении качества жизни граждан (с. 315–316). Особо акцентируется невостребованность человеческого потенциала, фундаментальное противоречие российской модернизации – “несоответствие евразийско-этатистского социума ее российско-европейской (восточно-европейской) культуре”. Называются и другие проблемы, свидетельствующие о социокультурной неэффективности российского варианта модернизации (с. 317–319).

Опираясь на результаты социологических исследований, авторы делают вывод о сформировавшейся на постсоветском этапе цивилизационной альтернативе в ценностных позициях россиян. С одной стороны, им присущ гуманизм, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритете закона, а с другой – авторитарность, приоритет ценности власти над людьми в сочетании с вседозволенностью. Первую позицию, которой придерживаются и авторы главы, разделяют, согласно всероссийскому мониторингу “Ценности и интересы населения России”, 77% опрошенных, а вторую (авторитарность) – 23% (с. 319). Для осуществления цивилизации реального гуманизма (см. рис. 2) необходимо активное участие в этом процессе всего населения гуманистической ориентации модернизации – таков вдохновляющий призыв исследователей.

В заключение вновь отмечу богатство эмпирического содержания книги. Огромное впечатление производят таблицы приложения, в которых фиксируются параметры модернизации России и ее регионов, графики динамики индексов модернизации

Рис. 2. Пентаграмма фундаментальных ценностей цивилизационного выбора России (вектор реального гуманизма).

регионов. Они суммируют колоссальный труд, вложенный авторским коллективом, чтобы сделать свои убеждающие выводы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016) Составитель и ответственный редактор Н. И. Лапин. М.: Весь мир.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) (2011). М.: Весь мир.

Плискевич Н. М. (2013) Модернизация глазами китайских ученых-социологов // Экономическая наука современной России. № 1. С. 97–106.

What Modernization Phase do Russia and Its Regions Undergo

L. DROBIHZEVA*

**Drobizheva Leokadia – doctor of sciences (History), chief researcher, head of the Center for International Relations Studies at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences(RAS); professor-researcher at National Research University “Higher School of Economics”. Address: Ul. Krzhizhanovskogo, 24/35 Building 5. E-mail: drobizheva@yandex.ru*

Abstract

The article analyzes the features, main conceptual approaches and material presentation model in “The Atlas of Modernization in Russia and its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Trends and Problems”. Modernization is shown as a part of the global civilizational process in Russia and its regions, Russia's place among other countries in modernization process. An enormous volume of information is disclosed, being the basis of the materials given in the Atlas. An interdisciplinary nature of the study presented in the Atlas is pointed out. This allowed us to consider modernization from the technological, economic, social, political and socio-cultural point of view, and to show modernization as a process associated with rational humanism, in which not only the country and its regions, but also each person is interested.

Keywords: modernization, civilizational development, federal districts, subjects of the federation, indicators of modernization development.

REFERENCES

Atlas modernizatsii Rossii i eyo regionov: sotsioekonomicheskie i sotsokul'turnye tendentsii i problemy (2016) [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and sociocultural trends and problems]. Compiled by Lapin N. Moscow: Ves' mir.

Obzornyj doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) (2011) [Review report on modernization in the world and China (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir.

Pliskevich N. (2013) Modernizatsiya glazami kitajskih uchenyh-sotsiologov [Modernization through the eyes of Chinese social scientists]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 1, pp. 97–106.

© Л. Дробижева, 2017